

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение *В.С.Алексеева-Попова*

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ГЮСТАВ ФЛУРАНС

(1838—1871)

Одним из героев Парижской Коммуны 1871 г., павших первыми в борьбе за неё, был Гюстав Флуранс, сын учёного-физиолога Жана Пьера Мари Флуранса, непрямого секретаря французской Академии наук, профессора Коллеж-де-Франс.

Гюстав родился в Париже 4 августа 1838 г. С детских лет он серьёзно и усидчиво учился. Будучи студентом естественного факультета, он вёл в шумном Париже спокойный и серьёзный образ жизни, не соблазняясь никакими развлечениями — балами, театрами или кабаре; женщины его не интересовали. «В двадцать пять лет,— пишет его биограф Ш. Пролэ,— он был ещё чист и целомудрен; по примеру античных республиканцев, он заявлял: «Я останусь таким вплоть до дня, когда восторжествует свобода!»¹. Высокий и стройный, с выразительными глазами, смело глядевшими из-под большого выпуклого лба, с звучным, приятным голосом и добрым лицом, свидетельствовавшим о скромности и честности, Гюстав Флуранс сразу обращал на себя внимание и производил чрезвычайно благоприятное впечатление на всех, с кем имел дело. Он очень много и углублённо занимался, проводя по примеру своего отца нередко ночи напролёт

¹ *Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens. Insurrection crétoise 1867—1868. Siège de Paris 1870—1871, Paris 1898, p. 15.*

за чтением научных трудов. Ему не было ещё 21 года, когда он с успехом сдал экзамен на лиценциата¹.

Однако не только наука интересовала Флуранса. Богатое воображение Флуранса иногда уносило его очень далеко: он мечтал о героических подвигах для общего блага, готовый жертвовать своей жизнью ради освобождения угнетённых народов.

Сильное впечатление на юного Флуранса произвело польское восстание 1863 г. Флуранс решил уехать в Польшу и пожертвовать, если понадобится, даже жизнью ради дела национальной свободы. Его опьяняли громкие лозунги и романтика борьбы за освобождение поляков, но он не был в курсе скрытых за этим интриг иезуитов и тайных замыслов «белых» — партии польской аристократии. Приехав в Польшу, Флуранс убедился, что расчёты «белых» не имеют ничего общего с подлинными интересами польских трудящихся. Он недооценил силы демократического лагеря «красных» (к которому принадлежали Я. Домбровский, В. Врублевский и другие) и предпочёл вернуться к себе на родину — в Париж, где вновь целиком отдался научным занятиям.

В 1863 г. 25-летний Гюстав Флуранс получил разрешение заменить своего отца на кафедре естественной истории Коллеж-де-Франс. Он разработал курс «Истории рас», состоявший из 50 лекций. Лекции Г. Флуранса в отличие от спиритуалистических воззрений его отца носили материалистический характер. Они были явным вызовом всему тому учёному миру, в котором издавна вращался старик Флуранс. Гюстав решительно отвергал всякое религиозное объяснение происхождения человека и опирался на неопровержимые факты, подтверждавшие материалистическое объяснение этого. Его метод изучения рас был основан на анатомических признаках и одновременно на сравнительном анализе разных языков. Смелость лекций Гюстава Флуранса завоевала ему симпатии многочисленной аудитории студенческой молодёжи. Он приобрёл любовь и популярность, но вместе с тем и врагов.

Идеи Гюстава Флуранса носили явный характер «ниспровержения всех основ». Они вызвали сильную тревогу

¹ Лиценциат — учёная степень — среднее между бакалавром и доктором наук. Даёт право на преподавание, чтение лекций, на защиту в суде и пр.

в лагере маститых учёных и клерикалов. Их приводила в ужас дерзкая попытка молодого профессора объявить беспощадную войну всем религиям, церквям и религиозным авторитетам. Против Флуранса ополчились клерикальные газеты, в особенности периодическое издание «Contemporain» («Современник»), требовавшее немедленного смещения Флуранса с его поста.

Но Флуранс продолжал энергично отстаивать свои взгляды. Реакционеры апеллировали к министру народного просвещения. С яростью указывали они на то, что Флуранс осмелился опубликовать свои лекции в «Обзоре университетских курсов». В результате давления клерикалов молодой профессор Г. Флуранс был в ноябре 1864 г. уволен. Месяц спустя Флуранс уехал в Лондон, где занялся изучением ценных материалов Британского музея, а оттуда отправился в Бельгию. В Брюсселе он издал работу «Наука о человеке», в которой сделал первую попытку сформулировать научные первоосновы этнографии.

Примерно с этого времени Флуранс целиком отдаётся политической деятельности. Он становится сотрудником прудонистской газеты «Rive Gauche» («Левый берег»), которая, впрочем, в 1866 г. была в Брюсселе запрещена. Писал он и в «Espiègle» («Проказник») — бельгийской сатирической газете социалистического направления. В то же время Флуранс давал уроки, устраивал конференции на научные и политические темы. Флуранс пользовался большой популярностью среди бельгийского студенчества и у передовых людей Бельгии, ценивших его за страстность и смелость высказываний.

Но вскоре Флурансу пришлось покинуть Бельгию: он узнал, что его отец серьёзно заболел, и поспешил вернуться в Монжерон (деревушка к югу от Парижа, где жил старик Флуранс).

Отец стал поправляться. Ни идей, ни стремлений сына этот суровый старик, чуждый его демократическим взглядам, не понимал. Попытки объясниться с ним оказались бесплодными. Гюстав буквально задыхался в старозаветной затхлой среде, к которой принадлежали его отец-академик и его друзья. Гюстав воспользовался первым же удобным случаем, чтобы снова уехать. На этот раз он решил посвятить себя борьбе за освобождение греческого населения острова Крита от турецкого ига.

Греки Крита изнемогали от насилья и издевательств турецких властей. Они видели единственный исход в присоединении к родственной им в национальном отношении Греции. Но скромную петицию критских христиан султан отказался рассмотреть; мало того — он пригрозил суровыми наказаниями всем, кто не подчинится его воле. Тогда на острове Крите вспыхнуло восстание (в сентябре 1866 г.). Турки были разбиты в горных ущельях и отброшены к порту Канея.

Сочувствовавший восставшему населению Крита Флуранс первоначально решил посвятить себя пропаганде национально-освободительного движения народов Востока. Не имея ни гроша в кармане, он занял у приятеля 200 франков и, сев в Марселе на пакетбот, помчался в Стамбул (где должна была решаться судьба критян). Флуранс никого не знал в этом городе и фактически был обречён на полуголодное существование. К счастью для себя, Флуранс случайно повстречался со своим старым товарищем по коллежу, который помог ему связаться с редакцией «Вестника Востока» — передовой газеты, издававшейся тогда в Стамбуле на французском языке. В этой газете Флуранс поместил серию статей под общим заголовком «Восток и всеобщая справедливость». Его статьи, проповедовавшие сближение и братство разных народов Востока, произвели в Стамбуле сенсацию. Выступая против религиозного и политического деспотизма, Флуранс был первым европейцем, осмелившимся излагать на Востоке научную теорию атеизма. Французский посол по указанию своего правительства предложил Флурансу прекратить эту «зловредную» пропаганду. Но грекам, жившим в столице Турции, нравился Флуранс, и они решили привлечь его в качестве преподавателя в свою национальную школу. Французский посол снова вмешался и запретил приглашать Флуранса. Тогда неугомонный Флуранс основал собственную газету под названием «Звезда Востока». Но на этот раз её закрыл Али Паша, турецкий министр внутренних дел.

Флуранс всё ещё не хотел сдаваться. Он пытался издавать газеты на греческом и армянском языках, но всё время терпел неудачи.

В мае 1866 г. он уехал из Стамбула в Афины. Он рассчитывал на поддержку греческого правительства; но в критском вопросе греческий король вёл себя осторожно и

уклончиво. Флуранс надеялся, что по крайней мере конституционный строй Греции даст ему возможность свободно высказывать свои мысли; он основал в Афинах республиканскую газету «Эллинская независимость». Попытки выступать с политическими речами на открытом воздухе кончились его арестом.

Выйдя на свободу, Флуранс решил ехать на Крит, где с новой силой вспыхнуло восстание. Он присоединился к небольшому отряду добровольцев-афинян, которые отправились на маленьком контрабандистском судне к берегам Крита. Корабль этот, попав в шторм, вынужден был выброситься на берега островов Парос и Цитера, чтобы спастись от преследования турецких военных кораблей. Афинские волонтёры благополучно добрались до критских повстанцев, которые приняли их с распростёртыми объятиями.

Положение восставших было тяжёлым: враг был многочислен и хорошо вооружён. Флуранс, однако, не падал духом. Он считал необходимым продолжать борьбу. Он успокаивал и ободрял критян, организовал связь и переписку со всеми независимыми газетами Европы, чтобы создать широкую популярность восстанию. По договорённости с руководителем повстанцев Зимбракокисом Флуранс попытался развернуть партизанскую войну, единственно возможную в данных условиях, и с этой целью поднялся с Чиприани¹, своим другом и помощником, и с другими преданными товарищами на высокое плато Омолос, где соединился с критянами, решившими драться до конца. Там Флуранс оставался несколько месяцев. Вместе со всем отрядом он терпел голод, холод и всеческие лишения, спал на снегу, питался корешками растений. Флуранс и одевался совершенно так же, как греческие повстанцы: в синюю куртку и широкие шаровары, на голове — красная феска с кистью, спадающей на плечо, носил кривую саблю и пояс, за который были заткнуты длинные пистолеты.

Наконец, после долгой, отчаянной борьбы повстанцы и волонтёры вынуждены были капитулировать. Только

¹ Чиприани, Амилкаре (1844 — 1918) — итальянский революционер, участник национально-освободительного движения в Италии, волонтёр в армии Коммуны. После падения Коммуны был сослан в Новую Каледонию; после амнистии возобновил революционную деятельность в Италии, за что был сослан на каторгу.

одна группа повстанцев, около 50 человек, во главе которой стояли Флуранс и Зимбракокис, держалась в восточной части Крита. Эти смельчаки, изнемогая, всё же продолжали борьбу.

Весной 1867 г. восстание разгорелось с новой силой. Во время одного из столкновений Флуранс был тяжело ранен. Его спас, унеся на плечах с поля битвы, его друг — француз Балло.

Некоторое время спустя Флуранс получил из дому известие о том, что состояние здоровья отца безнадежно. Гюстав поспешил уехать, но застал своего отца уже мертвым... Решив, несмотря на категорический отказ министра Дюрюи, всё же получить кафедру отца в Коллеж-де-Франс, Флуранс обратился с письмом к Наполеону III, напоминая о своих знаниях и о горячем желании покойного отца, чтобы сын продолжал его учёную карьеру. Император уклончиво ответил, что в назначения профессуры он не может вмешиваться.

(Впоследствии, после падения империи, Флурансу неоднократно ставилось на вид это обращение к Наполеону III, хотя оно было сформулировано крайне сдержанно, с большим достоинством и касалось исключительно его научной деятельности.)

В феврале 1868 г. Гюстав опять вернулся к своим боевым товарищам на Крит. К этому времени под давлением англо-французской дипломатии греческое правительство решило окончательно порвать с критскими повстанцами. Когда Флуранс, приехав в Афины, организовал большое народное собрание, на котором выступил с горячей речью, призывая афинян организовать помощь критянам, министр Булгарис приказал его арестовать.

Некоторое время спустя Флурансу удалось выйти на свободу, и он немедленно выехал на Крит, где его избрали членом Национального собрания, а затем председателем делегации, которую критяне, мечтавшие о присоединении к Греции, направили в греческий парламент. Но Булгарис арестовал делегацию, прибывшую в Афины, а Флуранса силой заставил сесть на пакетбот, шедший в Марсель. Как только пароход прибыл в Марсель, тамошний префект немедленно арестовал Флуранса; затем он телеграфно запросил Париж, что дальше делать с арестованным, но получил приказ освободить его. Не возвращаясь даже к своей семье, Флуранс снова отправился в Гре-

цию. Но там его ожидала усиленная слежка афинской полиции. Убедившись, что «один в поле не воин», Флуранс решил уехать из Греции в Италию, в Неаполь.

В Италии Флуранс снова занялся политической деятельностью. В статьях, опубликованных в республиканской газете «*Popolo d'Italia*», он, между прочим, обрушился на реакционного министра Манабреса. За это он был немедленно водворён в тюрьму. В конце 1868 г. Флуранс вернулся, наконец, в Париж, вконец измученный всей своей бесплодной революционной деятельностью...

К этому времени в самой Франции всё больше поднимался революционный протест против бонапартистского режима. Гюстав Флуранс принял живейшее участие в этом движении. Он выступал с горячими речами на публичных собраниях. Вот что рассказывал об этих выступлениях очевидец: «Когда речь шла о вещах, не имевших прямой связи с идеями, дорогими его сердцу, Флуранс выслушивал такие выступления вежливо, но молча и безучастно. Но как только во время дискуссии затрагивались его излюбленные темы об освобождении пролетариев от рабства, об освобождении народа, о всемирной республике — Флуранс тотчас вскакивал на трибуну и совершенно преобразался. Его синие глаза метали молнии, его большой лоб озарялся светом, голос его, обычно чрезвычайно приятный и убедительный, гремел, как призывный клич трубы. Дрожа, как в лихорадке, он отчаянно жестикулировал, нагромождая аргументы на аргументы, одни иронические замечания на другие, он весь пылал гневом. Невозможно было слушать его, не восхищаясь искренней верой, выражаемой в столь красноречивой форме... Мы хорошо его знали, мы очень его любили, ...и каждый невольно тянулся к нему, испытывая глубокое уважение к его прекрасному характеру и высокой честности»¹.

Подчас Флуранс вёл себя вызывающе, и, в конце концов, ему пришлось за это поплатиться. 25 марта 1869 г., когда Флуранс председательствовал на одном большом собрании, которое комиссар полиции приказал разогнать, Флуранс призвал собравшихся к неподчинению, пылко восклицая: «Долой полицию! Она недостойна при-

¹ *Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 38—39.*

существовать на этом собрании, ...которое более священно, чем палата депутатов, куда пробираются только путём подкупа при выборах. ...Там теперь столько крупных жуликов, что отправить их на каторгу значило бы опозорить последнюю»¹. Флуранс тут же был арестован и приговорён к трём месяцам тюрьмы и к штрафу в 200 франков.

Пока Флуранс находился в тюрьме, его всё время беспокоила единственная мысль: сознание своей досадной беспомощности в то время, как республиканцам и демократам было необходимо его участие в борьбе с бонапартизмом. Лозунгом Флуранса, по его собственным словам, было:

«Действовать, постоянно действовать!.. Превращать всякое публичное собрание в трибуну для энергичных нападок на империю; несмотря на тюремное заключение и штрафы, возобновлять атаки с ещё большим жаром; учить парижан высоко держать свою голову; волновать, непрерывно возбуждать умы речами, статьями; сражаться, двигая, пусть даже недостаточно прочные, баррикады, создавая ежедневно новые заговоры граждан или солдат, невзирая на неудачи; заставить тирана дрожать за свою жизнь и довести его таким путём до безумия, чтобы каждый день он всё больше и больше слабел и глупел»².

Осенью 1869 г. Флуранс принял живейшее участие в дополнительных выборах депутатов в Законодательное собрание и сыграл немалую роль в победе кандидатуры Анри Рошфора. В созданной последним совместно с руководителями I Интернационала ежедневной газете «Marseillaise» Флуранс возглавил отдел «Военная трибуна», где помещались его статьи под заголовком «Армия и народ». Целью этих статей было пробудить в солдатах наполеоновской армии гражданское самосознание и республиканский дух. В одной из таких статей солдатам империи давалось понять, что в будущем обществе не будет постоянной армии, унтер-офицеры будут избираться из среды наиболее способных и сознательных солдат; им будут предоставлены все гражданские права.

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 39.

² Ibid., p. 43.

Когда в январе 1870 г. журналист Виктор Нуар был убит прицелом Пьером Бонапартом, среди революционно настроенного населения Парижа вспыхнула такая буря негодования, что с минуты на минуту можно было ожидать всеобщего восстания. Первую роль среди сторонников восстания играл, конечно, стремительный и пылкий Флуранс. Но Рошфор, Делеклюз и другие деятели, присутствовавшие на похоронах, решительно воспротивились этой безрассудной и несвоевременной затее, которая могла закончиться лишь бесцельным кровопролитием.

По поводу этих событий Энгельс писал Марксу (1 февраля 1870 г.): «Истинное счастье, что, несмотря на Г. Флуранса, на похоронах Нуара не вспыхнуло восстание. Бешенство «Pays» служит доказательством жестокого разочарования бонапартистов. Ведь для них нет ничего более желательного, как захватить *en flagrant délit* [на месте преступления] всю революционную парижскую массу *вне Парижа и даже вне крепостных стен*, имеющих лишь два-три прохода, а в открытом поле»¹.

Флуранс вернулся в Париж огорчённый и разочарованный. Он придавал этой попытке восстания значение всенародного протеста против бонапартистской политики реакции. В феврале Флуранс чуть было не порвал с газетой «Marseillaise», одним из редакторов которой он был до этого. Он выступил в газете «La Réforme» с обвинением главного редактора «Marseillaise» Рошфора в капитуляции перед империей, в измене республиканским идеям и своим же собственным заявлениям.

Не прошло и месяца (7 февраля 1870 г.), как Рошфор за своё выступление против семьи Бонапартов в «Marseillaise» был арестован полицией и увезён в Сент-Пелажи. Как только Флуранс, находившийся в помещении редакции газеты «Marseillaise», где происходило собрание, узнал об этом, он тут же встал и заявил во всеуслышание:

— Я объявляю правительство свергнутым. Революция началась. Комиссар полиции — вы арестованы!

Вынув из кобуры револьвер и обнажив свою длинную саблю, которую он всегда носил при себе, Флуранс предупредил полицейского, что с ним ничего не случится при условии, конечно, что тот не захочет бежать или оказывать сопротивление.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 285.

— Идите со мной рядом, — приказал ему Флуранс, — и ведите себя хорошо или я вас убью. Малейший знак вашим агентам — и вы погибли. Можете не беспокоиться: республиканцы не убивают, подобно вашим господам, своих безоружных противников!

Крепко держа комиссара полиции за руку, Флуранс вышел с ним на улицу. Комиссар указал агентам на свой шарф, и все граждане, присутствовавшие на собрании, смогли свободно выйти из помещений с пением «Походной песни» («Chant du départ»).

— А теперь, товарищи, — воскликнул Флуранс, — вперёд, в Бельвиль! Пойте «Марсельезу» — и да здравствует битва! Да здравствует всемирная республика и освобождение человечества!¹

Очутившись в Тампле, манифестанты остановили два омнибуса и несколько колясок и, опрокинув их, построили баррикаду. Флуранс отпустил полицейского комиссара на свободу и с группой молодых людей вступил в квартал Тампль. Там они обезоружили двух встреченных солдат. Были забаррикадованы почти все боковые улицы, и повсюду потушен газ. Сделана была неудачная попытка овладеть ружьями, хранившимися в бельвильском театре.

В час ночи забаррикадованный квартал был заполнен массой конных и пеших муниципальных гвардейцев. Флуранса спасла только ночная тьма. Ему удалось скрыться. Утром у Флуранса на дому был сделан обыск, но никаких компрометирующих документов полиция не нашла. 20 марта Флуранс, все эти сорок дней прятавшийся у товарища, бежал из Парижа в Голландию, а затем в Лондон.

В Лондоне он познакомился и завязал дружбу с семьёй К. Маркса. Ещё ранее слышавший от Энгельса довольно скептические отзывы о Флурансе, Маркс при личном знакомстве переменил своё мнение; называл его «весьма решительным, ученым, слишком большим сангвиником»². 28 апреля Маркс писал о нём Энгельсу: «Флуранс был уже несколько раз у меня. Он очень милый парень; его отличительным качеством является audacity [смелость]. Он обладает, однако, и значительным естественно-науч-

ным образованием. В течение года он читал в Парижском университете лекции по этнологии, побывал везде в Южной Европе, Турции, Asia minor [Малой Азии] и т. п. Полон иллюзий и революционного нетерпения, but a very jolly fellow with all that [все же весьма славный парень], не из школы «сурьезных» мужей. Он предложен как член нашего Совета, на заседаниях которого два раза присутствовал в качестве гостя. Было бы очень хорошо, если бы он остался здесь подольше»¹.

Во время своего пребывания в Лондоне Флуранс был свидетелем широко развернувшегося по всей Англии движения в защиту и поддержку национально-освободительной борьбы ирландцев против английского господства. Флуранс горячо сочувствовал революционному выступлению ирландских фениев и немало способствовал организации общественного мнения в их пользу. Он оказал большую помощь дочери К. Маркса Женни в переводе писем руководителя ирландских революционеров-фениев О'Д. Росса на французский язык, а также помог ей опубликовать в газете «Marseillaise» ряд статей, посвящённых борьбе фениев². «Письма О'Донована Росса, которые я не перевела, перевёл Флуранс, — писала Женни Маркс. — Я слышу ещё его голос, говорящий: «Я обещаю вам сделать всё для О'Д. Росса»».

Он «был готов отдать жизнь для освобождения фениев», — рассказывала Женни Маркс Л. Кугельману в письме от 18 апреля 1871 г.

Знакомство с семьёй Маркса сыграло большую роль в политическом развитии Флуранса.

Флуранс сблизился со многими деятелями I Интернационала. Сообщая о частых встречах с ним, Маркс писал Энгельсу, что Флуранса приветствовала «вся здешняя французская революционная челядь», которая устроила в честь него банкет и ухаживает за ним. «Но, — добавлял Маркс, — он уже весьма хорошо просвещен насчет этих господ» (Маркс имел здесь в виду французских политэмигрантов, масонов, представителей «французской секции», давно уже исключённой из Интернационала, и т. п.).

¹ См. G. Flourens, Paris livré, Paris 1871, p. 8.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 322—323.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 325.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 412—429.

Маркс рассчитывал использовать Флуранса в борьбе с бакунистами. «Бакунину мы закроем доступ в «Marseillaise» при помощи Флуранса...»¹, — писал Маркс.

9 августа Флуранс, заочно преданный суду, обвинённый не только в организации выступления 7 февраля, но и в мнимом покушении на жизнь Наполеона III, был приговорён к заключению в крепости.

Английское правительство было чрезвычайно обеспокоено пребыванием Флуранса в Лондоне и пыталось использовать различные предлоги, чтобы выдать его Франции. Однако попытки этого рода кончились неудачно.

В мае Флуранс покинул Лондон с намерением вернуться в Париж. Он составил план заговора, который впоследствии был изложен Флурансом в его книге «Paris livré» («Преданный Париж»).

«В одну из ночей овладеть дворцом Тюильри с помощью некоторых знакомых людей в самом дворце; мощными взрывчатыми приборами, предоставленными наукой в распоряжение угнетённых, раздавить бонапартистов в случае их попытки сопротивляться; смелым набегом парализовать всех вооружённых защитников тирана — и с помощью нескольких человек, обладающих необычайной энергией, освободить от цепей великий народ: таков был план заговора, который тогда мог пленить всякое смелое и благородное сердце»². Однако в Париже попрежнему всё было спокойно, власть принадлежала императору и его ставленникам. Тогда Флуранс решил выждать и изменить свой маршрут: он уехал в Грецию, где, по слухам, ожидался революционный переворот. В Афинах французский посол, узнав о его появлении, потребовал у греческого правительства выдачи Флуранса, но за него энергично вступились демократические круги греческого общества и, несмотря на трусливое поведение правительства, боявшегося Наполеона III, не допустили этого.

С началом франко-прусской войны и особенно после вторжения пруссаков во Францию стало ясно, что дело бонапартовской династии безнадежно проиграно. Не дожидаясь окончательного крушения империи, Флуранс поспешил уехать из Афин и через Симплонский туннель добрался, наконец, до Женевы. Выехав на телеге из Фер-

не, он был неожиданно задержан в Жексе, так как там его приняли за прусского шпиона. Пришлось Флурансу просидеть 10 дней в тюрьме.

Только после 4 сентября, когда Франция была провозглашена республикой, Флуранс телеграфно известил Рошфора о своих злоключениях. По приказу Кремье, министра юстиции в правительстве Национальной обороны, Флуранс был освобождён.

Спустя короткое время он был в Париже. Во время встречи с Рошфором Флуранс изложил ему свой «план всеобщего восстания в Европе». В этот план входили: постройка баррикад в Берлине и Вене; республиканское движение в Испании; провозглашение итальянской республики; революционное восстание в Англии и т. д. Что касается Франции, то Флуранс представил Рошфору обстоятельно разработанный план укрепления Парижа и организации сопротивления наступающим пруссакам.

Но Рошфор не желал об этом и слушать. Он сослался на заявление капитулянта Трошю, который утверждал, что пруссаки могут в два часа взять любой форт и в течение суток вступить в Париж.

Глубоко опечаленный Флуранс отправился в Бельвиль и решил всецело посвятить себя организации Национальной гвардии. Он был в отчаянии, видя, что теряется драгоценное время, необходимое для спасения молодой Республики, и возмущался преступной пассивностью правительства Национальной обороны.

Первоначально Флуранс был избран командиром 63-го бельвильского батальона. Храбрость Флуранса была общеизвестна, и в его батальон охотно записалось 10 тысяч человек, горевших желанием выступить под его командованием против неприятеля. Флуранс был сильно удручён тем, что гвардейцы плохо одеты и страдают от стужи. Он прилагал огромные усилия, чтобы обеспечить их всем необходимым. Для этого Флуранс организовал в Бельвиле швейные мастерские, где женщины шили куртки для своих мужей и сыновей. На это полезное дело он затратил часть своего личного состояния. Не прошло и нескольких дней, как 63-й батальон был готов к выступлению.

29 сентября 1870 г. Флуранс собрал пять батальонов XX округа (63-й, 172, 173, 174, 243-й) и двинулся с ними к Ратуше с требованием муниципальных выборов. Но его беседа с членами правительства Национальной обороны

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 322.

² G. Flourens, Paris livré, p. 11.

ни к чему не привела. Генерал Трошио уверял его, что «спасёт Францию» — в этом он твёрдо убеждён: у него, дескать, «свой план спасения».

Но уже 2 октября Париж узнал о сдаче двух крепостей — Туля и Страсбурга. Возмущение пассивностью «правительства национальной измены» (как уже многие его называли) продолжало расти. 4 октября Флуранс собрал своих офицеров на совещание. Было решено снова идти к Ратуше и требовать, чтобы батальонам разрешили сделать вылазку.

Правительство попрежнему не обращало никакого внимания на волнение населения. Утром 5 октября Флуранс выстроил на Грэвской площади пять рабочих батальонов (63-й, 172, 173, 174 и 243-й) и повёл их к Ратуше. Делегация во главе с Флурансом твёрдо и решительно выставила свои требования перед правительством. Важнейшими из них было: вооружение Национальной гвардии Парижа, поголовный набор по всей стране, немедленные выборы самоуправления (Коммуны), изгнание всех подозрительных лиц, занимающих высокие посты.

Однако правительство не хотело и слушать ни о каких уступках. Делегация от батальонов продолжала настаивать. Видя, что все их требования отклоняются, Флуранс категорически заявил, что вынужден покинуть свой пост и уйти в отставку; с этими словами он увёл в полном порядке все батальоны на свои места. Бельвильские отряды разошлись с криками: «Бельвиль умирает от голода! Коммуна! Мы требуем Коммуны!»

Утром 8 октября в «Journal officiel» была опубликована декларация правительства, заявившего, что, несмотря на настойчивые требования части Национальной гвардии, считает устройство муниципальных выборов под угрозой прусских пушек вредным для республики и потому решает отложить их до снятия осады.

Результатом этого было новое выступление 8 октября — бурная манифестация у окон Ратуши с лозунгами: «Да здравствует Коммуна!» В этой манифестации, во время которой полиция нагло избивала стариков, женщин и детей, Флуранс участия не принимал.

Между тем батальон Национальной гвардии не соглашался отпустить Флуранса и снова его переизбрал. Флурансу, убедившемуся в доверии масс, пришлось остаться

на этом посту. На своём прошении об отставке Флуранс приписал:

«Пост-скрипtum: Моё немедленное переизбрание всем полком является достаточным свидетельством того, насколько все мы единодушно требуем спасения Франции указанным мною способом».

Выяснилось, что после событий 5 октября префект полиции Кератри требовал ареста Флуранса. Об этом Флуранс сообщил Бланки в следующем полном достоинства и негодования письме: «17 октября 1870 г., 2 часа. Дорогой Бланки! Вчера я получил предписание явиться к г. Фильберу, докладчику Военного суда в Дворце правосудия. Сперва я решил туда не идти. Но мои друзья так настаивали на этом, желая узнать, какое преступление против Республики мне инкриминируется, что я отправился туда и узнал...:

меня обвиняют в следующем:

1) в захвате в Национальной гвардии места, на которое я не имею никакого права;

2) в намерении свергнуть республиканское правительство;

3) в том, что я якобы лишил жалованья тех граждан, которые не желали участвовать в свержении республики. Все эти преступления предусмотрены 97-й и другими статьями военно-судебного кодекса и карают, по меньшей мере, смертью.

Я в достаточной мере привык к смертным приговорам при империи, чтобы не бояться их при Республике.

Ваш Г. Флуранс»¹.

Правительство, действительно, было до того возмущено поведением Флуранса, что одно время было даже решено его арестовать. Об этом Рошфор тайно предупредил Флуранса. Но уже на следующий день Трошю, глава правительства, переменял своё решение, ибо боялся Национальной гвардии, народа, среди которого Флуранс был очень популярен.

Предательство маршала Базена и предполагавшаяся сдача Меца, о которых в конце октября Флуранс узнал от Рошфора, глубоко потрясли его. Возмущённый Флуранс направился в редакцию газеты «Combat» («Сражение»)

¹ Ch. Pictès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 63.

к Феликсу Пиа и рассказал обо всём. Пиа, не менее его взволнованный, заявил, что в такой ответственный момент они не имеют права молчать. На другое утро на первой странице «Combat» появилось в траурной рамке следующее извещение:

«Является бесспорным и достоверным фактом, что правительство Национальной обороны тайно скрывает от всех то, что мы сейчас разоблачаем к негодованию всей Франции как государственную измену: Маршал Базэн отправил одного полковника в лагерь прусского короля для переговоров о сдаче Меца от имени его величества императора Наполеона III»¹.

Правительство, однако, категорически всё отрицало. Пиа был объявлен агентом иностранцев, номера «Combat» с заявлением были 29 октября по приказу властей сожжены на бульварах. Тогда Пиа напечатал в «Combat» разъяснение, в котором сообщалось, что сведения о предательстве Базэна он получил через Флуранса от Рошфора, члена правительства. Весь Париж был охвачен негодованием.

31 октября правительство подтвердило сдачу Меца официально.

Слово «измена» повторялось всё чаще и чаще на улицах Парижа. Через час после того, как официальное сообщение было повсюду расклеено, на площади Ратуши собралась большая толпа граждан, преимущественно национальных гвардейцев.

В ночь на 31 октября у театра «Жимназ» состоялся многотысячный митинг. Выступавшие требовали свержения правительства Национальной обороны и создания Коммуны. 31 октября рано утром в Кордери на собрании делегатов 20 округов было принято решение о свержении правительства.

Вскоре улицы Парижа заполнились народом. С возгласами «Низвержение правительства!», «Коммуна!» толпа устремилась к Ратуше. Члены правительства удалились на совещание и вскоре через Рошфора объявили народу о назначении выборов в Коммуну. Но им уже не верили.

Флуранс ещё с утра 31 октября решил двинуть все пять бельвилльских батальонов к Ратуше, но из пяти

¹ Ch. Pictès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 65.

командиров трое отказались участвовать в немедленном выступлении против правительства. Понимая, что нельзя терять времени, Флуранс собрал 1-й парижский маршевый батальон, носивший название «Стрелки Флуранса», велел раздать всем стрелкам патроны и, вскочив на коня, повёл к Ратуше 400 своих волонтеров. В 4 часа пополудни, оставив свой батальон на набережной, Флуранс вошёл в Ратушу.

Толпа бушевала. Комната, где заседало правительство, была заполнена народом. Здесь были Бланки, Мильер и много других бланкистов. Флуранс взобрался на стол, объявил правительство низложенным, а его членов арестованными и провозгласил создание Комитета общественного спасения. Отовсюду в толпе слышались голоса, называвшие желательных народу членов нового правительства. Флуранс записал все имена на листке и затем вслух прочитал этот список: Дориан, Флуранс, Моттю, Виктор Гюго, Луи Блан, Делеклюз, Бланки, Авриаль, Распайль, Ледрю-Роллэн, Феликс Пиа, Мильер, Ранвье, Рошфор. После этого он продиктовал нескольким гражданам, взявшимся помогать ему, описание происшедших событий. Копию этого описания он тут же отослал в национальную типографию, распорядившись отпечатать обращение и расклеить его по всему Парижу во всех двадцати мэриях.

После избрания временного Комитета общественного спасения Флуранс приказал своим стрелкам занять здание Ратуши. Сорока из них было велено наблюдать за членами бывшего правительства.

Пока Бланки, Флуранс, Делеклюз, Мильер, Ранвье и другие руководители восстания обсуждали дальнейшие мероприятия и отдавали приказы, в Ратуше начали появляться национальные гвардейцы 106-го батальона во главе с Ибосом, который, единственный из командиров батальонов, решился выступить против нового, революционного правительства и требовать освобождения прежних министров. Ибосу удалось устроить и прикрыть побег Трошю, Араго и Жюля Ферри. Он чуть было даже не захватил Бланки, которого вырвали у него из рук. Флуранс успел задержать остальных министров, велел закрыть двери и вытолкать всех сообщников Ибоса, пытавшихся освободить Жюля Фавра.

Тем временем бежавший Трошю стал энергично действовать. Вечером ему удалось собрать на Грэвской пло-

щади значительные силы. Враги не дремали и готовились к захвату Ратуши.

В 1 час 30 минут пополуночи, в то время как Флуранс и его товарищи уснули, войска проникли в Ратушу. Оказалось, что Ратуша имела множество потайных ходов, входов и выходов и, кроме того, была связана с Наполеоновской казармой. Всего этого Флуранс не знал, а когда он и его товарищи, утомлённые событиями и крепко заснувшие, очнулись, было уже поздно. Оставалось только капитулировать, чтобы избежать бесцельного кровопролития... Флуранс проявил много самообладания и благоразумия, приказав своим стрелкам отступить по главной лестнице. Затем совместно с Мильером, Ранвье, Бланки, Делеклюзом и Дорианом он подписал следующую декларацию:

«Правительство добровольно обязуется и клянётся своей честью, что завтра осуществит, под председательством Дориана и Шельше, выборы Коммуны, а два дня спустя — нового правительства, чтобы избежать кровопролития и гражданской войны. Все избранные народом 4 сентября и 31 октября совместно выйдут из Ратуши, и каждый из них вернётся к себе домой, чтобы никто из обеих групп не мог впоследствии упрекать друг друга в событиях этого вечера»¹.

В 4 часа утра Флуранс, собрав своих стрелков, ушёл с ними в Бельвиль.

Флуранса пытались обвинить в поражении восстания 31 октября. Ему ставили в вину, что он не сразу отдал приказ об аресте Жюля Фавра и его сообщников, что он не заставил своих стрелков вступить в бой с мобилиями Трошю и что он один взял на себя руководство всем движением. Однако не это было главным. Неудача объяснялась отсутствием единого плана действий и предварительной договорённости, отсутствием единой политической платформы, которая объединила бы усилия всех групп восставших, и главное, конечно, отсутствием единой рабочей социалистической партии. Большую роль сыграло также неуместное великодушие восставших, которые поверили в честность и лояльность своих противников, временно оказавшихся в их руках. Прудонисты уклонились от активного участия в движении, а бланкисты не имели достаточно глубоких корней в рабочем классе.

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 73.

3 ноября был устроен плебисцит для выяснения, продолжает ли парижский народ доверять правительству Национальной обороны.

Ответ «да» собрал 557 996 голосов. Против высказалось 62 638 человек, было много воздержавшихся. Получив, таким образом, поддержку, правительство приступило к репрессиям. Начались аресты, многие командиры батальонов были уволены.

Флуранс, Мильер и Бланки, не доверяя лживым обещаниям, скрылись. 7 ноября в Париже состоялись выборы мэров. Во время этих выборов ярко выявилось отношение населения к недавним событиям. Некоторые республикански настроенные округа, как, например, Бельвиль, демонстративно голосовали за организаторов восстания 31 октября: Бельвиль избрал Флуранса, Ранвье, Мильера и Лефрансэ. Все эти люди или сидели в тюрьме, или скрывались от ареста. Флуранс также скрывался, хотя ему не терпелось вернуться к друзьям. «Сколько раз у меня являлось желание вернуться в Бельвиль. Но друзья всякий раз меня предостерегали: «Ещё немного потерпи! Ещё немного — и арестованных товарищей в конце концов выпустят. Если же ты появишься, будет хуже: ты этим только ухудшишь положение арестованных!»»

Неожиданно Флуранс узнал, что его бывшие подчинённые стрелки были отправлены на передовые позиции в Кретьиль. Хотя он после 31 октября сложил с себя звание, он снова надел форму и отличительные знаки командира батальона и поспешил к своим старым боевым товарищам. С болью увидел он трупы стрелков, павших на поле битвы, и горько сожалел, что не был с ними в бою. У ворот Домениль его задержал какой-то капитан, заявивший капралу, командовавшему группой его стрелков: «Человек, который с вами, поразительно похож на Флуранса, которого ником образом не велено пропускать!». Но капрал с серьёзнейшим видом поклялся, что капитан ошибается, и тот ему поверил. Зато, когда Флуранс добрался до Мезон-Альфор, какие объятия встретили его! Как все радовались, что они снова вместе с любимым командиром! Ведь с 31 октября он не виделся ещё со своими стрелками!

Этот искренний порыв дорого обошёлся Флурансу: по приказу генерала Клемана Тома он был там же, на передовых позициях Мезон-Альфор, арестован «за незаконное

пошение отличительных знаков командира» и посажен в Мазасскую тюрьму (7 декабря 1870 г.).

Но друзья Флуранса освободили его. После неудачной вылазки под Бюзенвалем (19 января), в которой погибло немало французских патриотов, национальные гвардейцы и пролетарии предместий столицы решили организовать последнюю попытку протеста, пока не наступило ещё окончательное поражение. Вечером 21 января делегаты всех клубов собрались в клубе «Белой королевы» на Монмартре. Их единодушным требованием было избрание Коммуны.

Прежде всего решено было добиться освобождения всех политических заключённых. С барабанным боем толпа подступила к воротам Мазаса и направила к начальнику тюрьмы делегатов. Чиприани, стоявший во главе этой делегации, заявил:

— Мы являемся только авангардом 6 тысяч человек, наступающих на Мазас! Соппротивление бесполезно. Немедленно выдайте нам гражданина Флуранса, незаконно посаженного сюда!

Когда начальник тюрьмы попытался спорить, ему грозили немедленной смертью, и он вынужден был уступить силе. Это было около полуночи. Во время переговоров Флуранс спокойно дожидался результата, уверенный в исходе. Когда его выпустили, он заставил освободить всех остальных заключённых и, став во главе отряда, двинулся в Бельвиль. Там он захватил здание мэрии XX округа, заседать в которой он имел законное право на основании выборов. Затем он попытался созвать командиров батальонов на бульваре Пуэбла и снова осуществить захват власти. Но на призыв явился только один командир, объяснивший Флурансу, что сейчас все попытки переворота бесцельны. Тогда Флуранс распустил свой небольшой отряд и укрылся у одного друга, где оставался вплоть до 18 марта. Там-то он и написал свою книгу «Преданный Париж», где подробно и убедительно рассказывал о политике бонапартизма и «правительства национальной измены», о предательских действиях Трошию и прочих капитулянтов. Во вступлении к этой книге Флуранс писал, характеризуя позорное перемирие:

«500 тысяч вооружённых людей, собравшихся в укреплённом городе, позорно капитулировали перед 200 тысячами осаждающих. Этот уникальный в истории факт так и

останется навсегда необъяснимым. Историки в недоумении спросят, каким же образом народ мог дойти до такой степени унижения, так постыдно согласиться на собственную гибель! Люди покраснеют от стыда и будут вынуждены сознаться, что это преступление совершено парижанами, внуками героев 93-го года». Затем, приведя лицемерные клятвы Жюля Фавра, Дюкро, Трошю («Мы не сдадим врагу ни пяди нашей земли!», «Правительство ни за что не капитулирует!»), Флуранс твёрдо заявил: «Мы, республиканцы, ничего общего не имеем с людьми 4 сентября, которые бесстыдно осмеливаются называть себя республиканцами,— с этими политическими иезуитами и самыми омерзительными лгунами, какие когда-либо обманывали человечество. Нет! Мы продолжаем ещё более чем когда-либо надеяться на победу наших великих принципов социального равенства, братства всех народов, всех людей. Мы уверены в нашем будущем!»¹.

10 марта Флуранс был заочно приговорён 3-м Военным судом к смертной казни за стремление разжечь гражданскую войну и за насильственный захват 31 октября членов правительства. Он ответил на приговор протестом, который был расклеен по всему Парижу:

«Граждане!

Я считаю своим долгом протестовать самым энергичным образом против этого приговора, как незаконного нарушения всех конституционных прав человека. Обвиняемого должны судить равные ему люди. Так гласит закон. Ну так вот, я категорически отрицаю, что патентованные бандиты реакции имеют право называться судьями. Власть, назначившая их в день 31 октября, не была никем признана, поэтому власть эта лишена всякой юридической силы. Кроме того, из долголетнего жизненного опыта я узнал, что свобода становится ещё крепче благодаря пролитой крови мучеников.

Если моя кровь может оказаться полезной, чтобы смыть всю грязь, которой осквернена Франция, и чтобы упрочить союз родины и свободы, я готов охотно пожертвовать её убийцам страны и январским головорезам.

Привет и братство! Гюстав Флуранс»².

Накануне выборов в Коммуну, 25 марта, Флуранс, как секретарь мэрии, и Ранвье, как мэр, приступили к выполнению обязанностей (к которым были ранее, в начале ноября, призваны населением). Они напечатали и расклеили афишу с Обращением к гражданам XX округа, сообщавшим о победе народной революции и призывавшим всех на следующий день явиться для выборов четырёх человек в Коммуну Парижа.

26 марта Флуранс был избран членом Коммуны сразу по XIX и XX округам, но предпочёл остаться представителем последнего округа, снова приняв на себя обязанности командира бельвилльских батальонов (20-го легиона).

29 марта Флуранс был избран членом Военной комиссии.

Всё это время в Коммуне обсуждался вопрос о необходимости наступления на Версаль и подавления его вооружённых сил, которые пока ещё были слабы. Многие члены Коммуны колебались, не решаясь прибегнуть первыми к наступательным действиям. Но нападение версальцев 2 апреля, вызвавшее всеобщее возмущение парижан, заставило коммунаров решиться на выступление.

К этому времени план наступления на Версаль был разработан Военным советом во всех деталях. Согласно плану, предполагалось выступить по направлению к Версалию тремя колоннами, захватить неприятеля врасплох и напасть на Версаль с севера, востока и юго-востока, чтобы силой заставить версальское Национальное собрание принять условия, которые могли бы спасти Париж. Наступление возлагалось на трёх генералов Коммуны — Эда, Бержера и Дюваля.

С утра 3 апреля началось выступление федератов. Против Версаля двинулось около 40 тысяч гвардейцев. Вылазка эта была плохо организована, не хватало патронов и артиллерии. Центральный отряд Эда и его командиров Авриала и Ранвье направлялся к Версалию с востока (через Исси, Медон, Шавиль и Вирофлэ), но под давлением превосходящих сил версальцев и артиллерии им пришлось отступить. Другой отряд, во главе с Дювалем, шёл к Версалию с юго-востока и дошёл уже до Виль-Кублэ (в 5—6 километрах от Версаля), но за недостатком патронов и артиллерии вынужден был также отступить к Шатийону. Окружённые превосходящими силами версальцев,

¹ G. Flourens, Paris livré, p. 1—2.

² Ch. Pichès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 82.

войска Дюваля не имели возможности пробиться, а сам Дюваль героически погиб, будучи расстрелян по приказу генерала Винуа.

2 апреля Флуранс, отряд которого входил в колонну Бержере, получил приказ двинуться на Версаль. Подъём духа у гвардейцев был чрезвычайно велик. Все дружно шагали вперёд с громким пением «Марсельезы». Бержере со своим отрядом должен был пройти по мосту Нейи, мимо Курбеуа, и, огибая форт Мон-Валерьен, через Нантер в Рюэй; Флуранс — по мосту Аньер, через Коломб, Нантер в Рюэй, где должен был встретиться с войсками Бержере.

3 апреля в 4 часа утра 20-й легион выступил по направлению к Рюэй. «Состояние духа у каждого великолепно; но надо любой ценой постараться добраться вечером до Версаля. Действовать иначе, значило бы убить революцию и Коммуну. Мы победим, в этом нет ни малейшего сомнения; но надо действовать энергично». Вскоре Флуранс соединился с Бержере, и оба продолжали наступление.

В тот момент, когда колонна должна была свернуть вправо, чтобы занять Нантер (в 12 километрах на восток от Парижа), форт Мон-Валерьен, у подножья которого находился Нантер, неожиданно нарушил свой нейтралитет и открыл огонь по федератам Флуранса. Потрясённые этой неожиданностью (все были уверены, что Коммуна заняла Мон-Валерьен), национальные гвардейцы рассыпались в разных направлениях, многие бежали в Париж. Флурансу и его адъютанту Чиприани удалось собрать лишь немногих. В Рюэй прибыл только 91-й батальон и остатки других, всего 1200 человек. Флуранс привёл с собой ещё тысячу человек.

Тем временем противник, застигнутый врасплох, оправился и перешёл в наступление. Бержере был вынужден отступить к Нантеру. Колонна Флуранса, прикрывавшая отступление Бержере, завязала жаркий бой с превосходящими силами противника, но была отброшена к северу. Оба командира обратились к своим бойцам с призывом держаться, однако на их слова откликнулось всего 250—300 человек. Отступление продолжалось.

Опечаленный, Флуранс следил за этим отходом. Часть федератов вернулась, уговаривая его идти с ними. Спрыгнув с коня, разгневанный Флуранс отвернулся от них и

зашагал по берегу Сены в противоположном направлении.

Подавленный и удручённый, Флуранс был уверен, что в этом постыдном отступлении будут потом винить именно его. Только уступая настоятельным просьбам своего адъютанта, Флуранс согласился укрыться в гостинице (где Чиприани снял номер) метрах в 150 от моста. Жена хозяйина гостиницы проводила их обоих в маленькую комнату, вся мебель которой состояла из кровати, стола, двух стульев и комода; Флуранс, войдя, бросил свою саблю, револьвер и кепи на комод. Хозяйка принесла поесть — сыра и хлеба. Изнурённый бессонницей и сильными переживаниями, Флуранс бросился на постель и погрузился в глубокий сон. Однако Чиприани, опасаясь, что было замечено, как они сюда вошли, вскоре разбудил его и поделился своими опасениями.

Флуранс позвал хозяина гостиницы, по фамилии Леккок, и предложил ему пройти до Нантера, чтобы посмотреть, там ли ещё национальные гвардейцы, и убедиться, не заняли ли версальцы окрестности. Хозяин взял предложенные ему 20 франков и вышел. Но больше он уже не показывался. Вдруг Чиприани заметил, что к дому подъехал верхом офицер главного штаба. Немного погодя Чиприани увидел, что по соседству с гостиницей спрятался жандарм с ружьём в руке.

— Мы окружены! — сказал Чиприани. — Вот жандармы. Нам остаётся одно: умереть с честью!

Флуранс выпрямился, продолжая сидеть на постели и держа наготове револьвер. В этот момент кто-то попытался силой открыть дверь их комнаты. Чиприани рванул её и резко открыл: на пороге стоял жандарм с ружьём на изготовку. Последний не успел спустить курок, как Чиприани разрядил в него свой револьвер. Жандарм отшатнулся и бросился вниз с криком: «К оружию!».

Чиприани погнался за ним, но внизу его окружило человек сорок жандармов, которые вонзили в него свои штыки, и он упал, тяжело раненный.

«Лёжа на земле, полумёртвый, — рассказывал впоследствии Чиприани, — я видел, как спустился Флуранс безоружный с обнажённой головой, среди кучи жандармов. Его обыскали и нашли при нём следующую депешу: «Для исполнения, Флурансу. — Не подходите под форт Мон-Валерьен, нас предали». В другом кармане у Флуранса

нашли вскрытый пакет с следующим адресом: «Г-ну Флурансу, Париж, улица д'Агессо». Это было письмо его матери.

— Ах, это Флуранс! — воскликнули жандармы. — Теперь он в наших руках, он уже не улизнёт! Смерть ему! Смерть!

Флуранс стоял с обнажённой головой, с ясным и спокойным лицом, скрестив на груди руки, закутавшись в свою походную шинель, уверенным и твёрдым взглядом оглядывая окружающую его толпу.

Во время всей этой суматохи подъехал верхом жандармский капитан Демаре.

— Это вы Флуранс? — спросил он повелительным тоном.

— Да, — ответил тот.

— Ах, это вы убиваете моих жандармов?

— Нет.

— Как, не вы? — крикнул Демаре, задыхаясь от злости.

— Нет, — твёрдо повторил Флуранс.

— Лжец! — завопил капитан и, поднявшись на стременах, бешеным ударом сабли расколол ему череп. Так трагически погиб благороднейший воин революции. Жандармы оттащили его тело в сторону и накрыли валявшимся рядом соломенным ковриком».

Тела Флуранса и Чиприани были брошены в грязь. Вечером их отвезли в навозной тележке в Версаль под охраной эскадрона жандармов. Там тело Флуранса бросили в подвал, где уже было свалено до полусотни трупов убитых коммунаров.

Мать Флуранса потребовала выдачи ей тела сына. Но генерал Винуа долгое время не разрешал этого, боясь, что вынос останков героя-коммунара делается для парижан поводом к бурным манифестациям. В конце концов всё-таки удалось добиться у Тьера разрешения на выдачу тела. 7 апреля тело Флуранса было помещено в фамильный склеп семьи Флурансов на кладбище Пер-Лашез.

С глубоким презрением пишет К. Маркс в «Гражданской войне во Франции» о зверском преступлении жандарма, убившего Флуранса, и о ликовании наградившего его Тьера — «обязьяны-тигра», «парламентского мальчика-с-пальчик, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана». «Жандарма Демаре наградили орденом за то,

что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной обороны»¹.

Ярко характеризует Флуранса Женни Маркс в письме к К. Либкнехту, где она называет его «нашим личным другом»:

«Флуранс, вероломно убитый теперь одним из бонапартистских палачей... был на редкость благородной натурой. Он был смел до самозабвения, готов на любой риск, человек с душой рыцаря, гуманный, отзывчивый, мягкий почти до слабости («ничто человеческое не было ему чуждо»). Обладая разносторонним умом, он был высокообразованным представителем современной науки. Молодой, богато одарённый, обаятельный, он отдал своё пламенное, впечатлительное сердце делу неимущих, угнетённых, обездоленных, и притом — не только тех, кто боролся и сражался в его собственной стране; нет, его большое сердце билось за каждую нацию, за каждую расу, за каждое племя. Этим объясняются его полные приключений путешествия из страны в страну; он постоянно устремлялся туда, где разгоралась борьба. Даже враги его говорили о нём: «Отважен, как витязь, учён, как энциклопедия». Для буржуазии он был воплощением красного призрака, она преследовала его с неистовой яростью. Вот почему так фанатически ликовали в Версале...»².

9 мая 1871 г., при Коммуне, муниципалитет XV округа уполномочил скульптора Фора открыть подписку на сооружение монумента Флурансу в память его патриотизма и преданности общему делу.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 473.

² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 181.